Людмила Петрушевская

Королева Лир

Чудесные истории

Людмила Петрушевская

Королева Лир. Чудесные истории

«Альпина Диджитал»

Петрушевская Л. С.

Королева Лир. Чудесные истории / Л. С. Петрушевская — «Альпина Диджитал»,

ISBN 978-5-00-139742-7

Людмила Петрушевская – классик русской литературы, блистательный рассказчик. В книгу «Королева Лир» вошли избранные сказки автора. Их герои – принцессы и принцы, короли и королевы, а также обычные люди – счастливо справляются с различными испытаниями, преодолевают все трудности. Добро и справедливость побеждают, даря читателю уверенность в собственных силах, вдохновение и надежду. Сказки, вошедшие в книгу «Королева Лир», Людмила Петрушевская, по её словам, чаще всего сочиняла для детей – иногда на ходу, как для внучки, шестилетней Анютки. Та славилась своим умением исчезать, и поэтому бабушка всю долгую дорогу крепко держала её за руку. Но перед тем просила: «Дай тему». Она говорила первое, что приходило в голову, например: «Принц с золотыми волосами». И всю долгую дорогу бабушка сочиняла сказку про маленького принца, у которого были по-настоящему золотые волосы, что светились в темноте. Маленькая шустрая девчонка слушала не отнимая руки, насупившись: переживала. Но не плакала. Ждала хорошего конца. И он наступал! В этой книге у всех сказок счастливый конец. Читайте! Даже вслух.

ISBN 978-5-00-139742-7

© Петрушевская Л. С.
© Альпина Диджитал

Содержание

Глупая принцесса 6
Сны девочки 10
Принцесса Белоножка, или Кто любит, носит на руках 13
Маленькое зеркало 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Людмила Петрушевская
Королева Лир. Чудесные истории

Издательство благодарит Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency за содействие в приобретении прав

В оформлении обложки использован автопортрет Л. Петрушевской

Издатель *П. Подкосов*
Продюсер *Т. Соловьёва*
Руководитель проекта *М. Ведюшкина*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*
Корректоры *Е. Барановская, Ю. Сысоева*
Компьютерная верстка *А. Ларионов*

© Петрушевская Л., текст, 2022
© Петрушевская Л., иллюстрация, 2022
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Глупая принцесса

Жила-была красивая, но удивительно глупая принцесса Ира, которая совершенно не соображала, где что можно говорить.

К примеру, соберутся у папы с мамой во дворце гости, а глупая Ира тут как тут и говорит:

– А правда, что вы все воры?

– А кто тебе это сказал, доча? – ласково спрашивают гости.

– А папа с мамой, – отвечает глупая Ира.

И тут же начинается война в газетах, разрыв отношений, требования вернуть старые долги и так далее, а королевство мизерное, доходы небольшие, войска пятнадцать человек, причём четырнадцать из них генералы.

Сами посудите, что делать в таких условиях?

Король с королевой извинялись перед всеми лично за свою глупую дочь, говорили, что во младенчестве Иру уронила нянька, всё в таком духе.

Короче говоря, Иру перестали пускать к гостям, кормили её с тех пор на кухне.

Но там Ира тоже набиралась разнообразных вопросов и по-глупому спрашивала, например, у королевы-матери:

– А правда, что у папы есть ещё одна мама?

– А кто тебе это сказал? – спрашивает ласково королева.

А Ира отвечает:

– Одна тётя на остановке трамвая.

– А кто это тебя, интересно, водил на остановку трамвая? – спрашивает ещё более ласково мать-королева.

– Это не меня водили, – отвечает опять глупая Ира, – это наша кухарка туда ходила и видела.

И дальше уже можно и не рассказывать, что повариху после долгого допроса выгоняли, а папу после долгого допроса прощали, потому что разводиться королям нельзя, дальше надо уже отказываться от трона, а этого делать тоже нельзя, поскольку впереди маячит как наследница трона всё та же глупая Ира: не оставлять же народ на Иру и на четырнадцать генералов и одного полковника!

Таким образом, Иру уже не пускали даже на кухню, и бедную глупую девочку переселили в пустую сторожку в самый конец парка, и Ира получала еду по королевской почте, и все вроде бы вздохнули спокойно.

Но тут же всплыли новые дела: Ира подцепила где-то больную собаку, щенка неизвестной породы, и королевская кухня, оказывается, работала на прокорм именно этой твари!

Собаку немедленно отобрали и вывезли вон, на помойку соседнего государства, и что же вы думали?

Ира вообще отказалась от пищи и три дня не пускала королевскую почту на порог.

Что делать, сенат посовещался и вынес решение купить глупой Ире карликового пуделя, так и быть.

Потратили на это дело полказны, приобрели и принесли Ире под дверь.

Но Ира продолжала голодовку, так что пришлось ехать снова за границу, послали делегацию искать Ирину собачку на иностранной помойке среди тухлой колбасы и рваных подушек.

Выбрали и привезли глупой, но капризной принцессе на выбор трёх собак, вымыли их, высушили, надушили.

Ира выбрала всех трёх, но и пуделя не отпустила, и теперь завтраки, обеды и ужины проходили у неё в весёлой обстановке: все её приближённые (собаки) сидели на полу, повязанные салфетками, и ели из тарелочек кто сколько хочет, в том числе и глупая Ира, и если кто к ней

приходил, в частности мать с отцом, то им приходилось тоже садиться как собакам на пол, иначе глупая Ира не желала с ними разговаривать, а ведь иногда бывали важные государственные вопросы, к примеру, в какую школу отдавать наследницу престола.

В первой же школе Ира сказала учителю, что он дурак, раз спрашивает у детей, сколько будет один да один: самому надо знать!

Иру оставили в покое, тем более что население в её сторожке увеличилось, родилось пять щенков, а также Ира нашла в подвале очень толстую кошку и теперь с интересом ждала, будут ли котята.

Тогда у родителей лопнуло терпение, и они решили отдать свою глупую дочь в школу ветеринаров, куда Ира вскоре и переехала вместе с собаками, щенками и пузатой кошкой, которую везли в отдельном плетёном сундуке.

Там, в ветеринарной школе, Иру и оставили, и больше о ней не было ни слуху ни духу, пока она не выросла и не открыла собственную клинику для животных.

Мать с отцом, король с королевой, в те поры уже были люди немолодые, и пора было подумать о муже для глупой дочери, но все близлежащие и даже дальние женихи, принцы, графы, даже купцы, старшины и сержанты, даже продавцы, мойщики стёкол и рубщики мяса – все были наслышаны о глупости принцессы Иры, и никто не желал свататься: посватаешься, а она что-нибудь такое про тебя в результате ляпнет, что будет неловко перед народом.

К тому же пошли слухи, что у неё в клинике каждый владелец больного животного мог быть тоже госпитализирован, то есть имел право лечь в больницу вместе со своим нездоровым питомцем: вот как мать кладут в одну палату с заболевшим ребёнком, чтобы ухаживать за ним на полную катушку.

И к Ире в клинику полезли всякие шарлатаны, бездельники и проходимцы: принесут какого-нибудь полузадушенного лесного клопа и ложатся с ним на год в отдельную палату.

Кто приходил и с тараканом без одного усика, кто и посерьёзней, с лягушкой, у которой подозревалась водянка среднего уха, а кто прибегал с жалобой на полевую мышь: не ест мяса, и всё, чума, наверно.

И вот Ира одним прекрасным днём, запыхавшись, вела приём, и перед ней предстал хромой осёл и его хозяин, мрачный и злой, который назвался Петром, а про осла продиктовал, что его зовут Жених.

Пётр спросил, можно ли ему вылечить здесь осла Жениха за полчаса, потому что нужно срочно возить на нём воду.

Ира ответила, что нельзя, надо, наоборот, срочно оставить Жениха в клинике.

– Нет, – упёрся мрачный и злой хозяин, – тогда я его пристрелю, шкуру с него сдеру, продам, а из мяса сделаю докторскую колбасу и тоже продам. А из хвоста сплету кисточку для тюбетейки, а копыта и кости пойдут на холодец! И я заработаю на этом целых две золотые монеты!

Так заявил этот мрачный и злой Пётр.

Глупая же Ира тогда предложила, что если уважаемый хозяин хочет, то она купит у него осла Жениха за эти же две золотые монеты.

Злой Пётр, наоборот, не согласился и потребовал у Иры за живого осла две тысячи золотых монет.

Ира тут же ушла и вернулась с бусами из драгоценных камней.

Она сказала, что это стоит много дороже двух тысяч, но сейчас нет времени на продажу, так вот пусть почтенный Пётр пойдёт и продаст эти драгоценные камни, а сдачу пусть принесёт когда сможет, а то зверям нечего есть.

Злобный Пётр бусы не взял и сказал:

– Ну и дура же ты! Мне говорили, что ты глупая, но я не верил! У меня висит твой портрет из газеты, и я смотрел на него и думал: неправда, у такой девушки должна быть очень

ясная голова! И вот теперь я вижу, что ты действительно глупа как пробка! Ты всем веришь! А я ведь купил этого хромого осла за три копейки, его уже вели на живодёрню! Мошенники живут у тебя со своими якобы больными блохами и клопами, а ты их всех кормишь!

– Ну что съест одно насекомое, – возразила глупая Ира, – каплю мёда, крупиночку хлеба! Разве жалко? А что съест его хозяин? Тем более что некоторым хозяевам приходится носить своих больных за пазухой и даже кормить их, например клопов и блох. Это же не всякий решится! Они же жертвуют собой! И всё это за три тарелки еды в день! Стираю я в стиральной машине, посуду мою вечерами, пол по утрам, обед варю ночью, и всё идёт по расписанию. А кони и куры вообще пасутся сами.

– Ну и дура ты! – опять закричал Пётр. – Тебя все обманывают! А когда ты станешь королевой? Ведь любой аферист женится на тебе, если сочинит сказочку о своей любви к тараканам и ты поверишь! Нет. Я на это не согласен. Надо тебя сдерживать. Я нанимаюсь к тебе сторожем, всё.

И Пётр живо навёл в клинике порядок, выписал вон всех пауков, жаб, мышей, тараканов и комаров, объявив, что они практически здоровы.

Что касается хозяев этих пациентов, то одному из них, который возражал против выписки, прижимая к груди любимого клопа, Пётр дал по шее, а остальные поняли всё сами и удалились, сильно качаясь, видимо, от горя.

Некоторые при этом громко пели печальные песни.

У принцессы пошла теперь лёгкая жизнь, она начала спать по ночам, а днём работала только с утра и до обеда, как все врачи; мало того, Пётр приноровился теперь брать с хозяев деньги за лечение животных, в короткое время клиника разбогатела, правда, Ира тут же пошла в город и купила у бургомистра оптом на все заработанные деньги бродячих собак города – и тех, которые шатались по улицам, и тех, кто ещё лежал под забором в новорождённом состоянии.

Всех этих красавчиков ей привезли на следующий день в собачьем фургоне, и целую неделю Ира и Пётр мыли, расчёсывали и лечили новое пополнение, а затем выпустили их всех жить в парк.

Собаки эти, даром что уличные, начали очень ретиво охранять территорию, то есть полностью оправдывали свой хлеб, не давая ловким людям вырубать деревья в парке, срезать цветы на продажу и выкапывать особенно полюбившиеся кусты для собственных нужд.

Из постоянных работников в клинике теперь жили только собаки, кошки-мышеловы и бывший хромой осёл Жених. Он поправился и возил на себе сено, которое косил Пётр для нужд рогатых пациентов клиники.

И немудрено, что, когда постаревшие король с королевой приехали в очередной раз уговаривать Иру встретиться с женихами (всё-таки и среди мужчин попадаются дураки, которых можно уговорить при помощи портрета красивой девушки), – Ира сказала:

– А у меня уже есть жених!

– А где? – спросили удивлённые родители.

– Пойдёмте, – гордо сказала глупая принцесса и повела короля с королевой на луг, где Пётр нагружал осла Жениха сеном.

– Вот, познакомьтесь, это Жених, – сказала сияющая Ира и ушла.

А обманутые король с королевой подошли к Петру, познакомились с ним, выяснили, что он герцог по отцу и маркиз по дяде, обрадовались и ушли из клиники очень довольные, провожаемые сворой бешено лающих собак.

И эти обрадованные король с королевой решили назначить свадьбу прямо на следующее утро, чтобы не откладывать, мало ли что.

Тем же вечером к Ире приехал портной и привёз ей белые одежды – платье, шляпу и перчатки, а заодно и туфли, фату и букет, а Петру привезли белую фрачную пару с белой

рубашкой и белым галстуком-бабочкой, и глупая Ира целый вечер прохохотала, сидя с Петром: она думала, что ловко обманула родителей.

Наутро Ира, всё ещё смеясь до слёз, повела осла Жениха расписываться к бургомистру, а Пётр шагал рядом со своим ослом, как всегда серьёзный, в новом наряде.

Но когда принесли книгу и велели в ней расписаться, то Ира поставила свою подпись, а осёл Жених не смог, как она его ни уговаривала.

Тогда Ира сказала, что за Жениха пусть распишется Пётр.

Пётр расписался, все выпили шампанского, участники церемонии из бокалов, а осёл Жених из бадейки.

Потом принцесса Ира преподнесла ослу букет, и осёл тут же его съел на закуску, а папа с мамой поздравили Иру и поцеловали её и Петра.

И тут глупая Ира засмеялась от души:

– Мама и папа, мой муж ведь осёл! Поцелуйте его!

И привычные ко всему мама и папа воскликнули:

– Какова жена, таков и муж!

И ушли.

А серьёзный Пётр сказал Ире:

– Как всё-таки хорошо, что ты такая дура глупенькая! Тебя можно облапошить, как малого ребёнка! И хорошо, что это именно я тебя облапошил, а не какой-нибудь проходимец, и я теперь твой муж, а не какой-нибудь мошенник! И как хорошо получилось, что я тебя давно люблю и никому тебя не отдам!

Глупая принцесса Ира удивилась:

– Мой муж ты? А как же Жених?

– Жених остался Женихом, осёл ослом, а твой муж – я.

И Ира довольно быстро с этим смирилась, буквально через минуту.

Она сказала:

– А я ведь и не надеялась, что ты меня полюбишь, и с горя решила выйти замуж за твоего осла.

Так что наша история пришла к своему счастливому концу, как и полагается.

Сны девочки

Один человек позвонил принцессе и сказал:

– Я слуга колдуна. Мой хозяин хочет жениться на тебе.

Принцесса ответила, что не знает никаких колдунов и замуж выходить не хочет.

– А если ты не выйдешь за него, твой отец с матерью умрут. Отец сегодня, а мать завтра.

Но принцесса как воспитанная девочка сказала:

– Нам не о чем говорить, извините.

И положила трубку.

Тем же вечером её отец умер.

В доме все забегали, закричали, а принцесса подошла к матери с такими словами:

– Мама, сегодня я выхожу замуж.

Её мать, которая и без того плакала, всплеснула руками:

– Как ты можешь в такой момент об этом думать?

Тут же зазвонил телефон.

Принцесса схватила трубку. Звонил слуга колдуна:

– Ну что? Ты согласна?

– Если он оживит отца, то да.

– Приходи в гостиницу в десять вечера, она называется «Сикста», номер люкс, но хозяин рано ложится спать. Если не придёшь, твой отец умрёт снова. Смотри, ждём тебя.

Принцесса положила трубку и сообщила матери:

– Мой отец умер, потому что я не вышла замуж за колдуна.

Но в этот момент все во дворце снова забегали, закричали:

– Король жив! Да здравствует король!

Была большая радость, придворные ликовали.

Однако принцесса всё повторяла, что должна выйти замуж именно сегодня, а то все умрут.

Мать сказала принцессе:

– Никто не умер. Видишь, отец жив. Не придумывай лишнего. И вообще, сегодня принцессы замуж не выходят, поняла? Это только кошки и собаки женятся сию минуту, когда им приспичило. Раз – и свадьба. А у людей так не принято. Тем более что тебе ещё рано думать о замужестве. Кто этот колдун? Мы его знаем?

– Но я должна сегодня вечером в десять часов явиться к нему в гостиницу, иначе случай с отцом повторится. А завтра умрёшь и ты, он так сказал.

Но мать, не слушая, ответила:

– В гостиницу на ночь глядя не ходит ни одна порядочная девочка. Пусть я умру (тут королева явно поставила мысленный восклицательный знак), но не пущу тебя. Иначе я умру. Представь себе, тебя кто-нибудь сфотографирует ночью в гостинице! И принц Генрих увидит!

(Принц Генрих этот был восьмиклассником в соседнем королевстве, и принцесса его ненавидела после одной драки.)

Однако, поскольку принцесса всё ещё плакала и просилась к колдуну, к ней приставили доктора с валерьянкой.

И ровно в десять часов вечера опять повторилась суматоха, в коридоре закричали:

– Король умер! Да здравствует король!

Доктор извинился и выбежал, заперев дверь, а принцесса начала выламывать замок, кричать, плакать, сбила руки до крови, но ничего не вышло, а потом она сообразила и просто вылезла в окно, дотянулась до пожарной лестницы и глубокой ночью спустилась на улицу.

В гостинице у номера люкс её встретил слуга колдуна и сказал:

– Ну всё, теперь тебя не возьмут замуж, колдун уже заснул, будить его я не буду.

– Тогда я подожду под дверью, пока он не проснётся.

– Да кому ты нужна? – скривился слуга. – У тебя волосы дыбом, руки в крови, глаза красные, нос распух, ты что? Ты охрипла, и щёки у тебя полосатые, ревела, что ли? Мой хозяин видел тебя по телевизору, там ты была не такая. Мы любим аккуратных.

Принцесса, которая собиралась опять зарыдать, мгновенно высохла и спокойно произнесла:

– Проводите меня в ванную, мне необходимо привести себя в порядок.

Слуга пожал плечами и отвёл её в ванную комнату.

Принцесса умылась, причесалась пятернёй и села под дверь колдуна ждать его пробуждения.

Утром колдун вышел и лениво заметил:

– Ты пришла? Я ничего не знаю. Ты опоздала.

– Оживите моего отца, – попросила принцесса, – и не трогайте мою маму, тогда я буду вашей женой.

– Мне это не надо, я на таких не женюсь, – зевая, ответил колдун. – Я ошибся.

И он поднёс ко рту правую руку с драгоценным перстнем и подышал на камень.

– Я таких принцесс, – сказал он, – могу вызвать два вагона. Потру камешек – и готово. Видала?

Перстень сверкнул золотым огнём.

– Ну хорошо, не женитесь на мне, – ответила принцесса, – но тогда оживите моего отца. Я не виновата, я так рвалась к вам, меня заперли, я сбила себе все руки.

И она предъявила свои ссадины и царапины.

– Некачественный товар, – промямлил колдун и опять зевнул.

Принцесса собрала всё своё достоинство, присела с глубоким поклоном и посмотрела на колдуна по-королевски, то есть очень приветливо.

Колдун как-то засомневался.

– Принцесса, едрён батон. Ну хорошо, – решил он. – Я уезжаю на корабле через два часа. Если ты уж так настаиваешь, то можешь меня сопровождать. Ты будешь тридцать пятой девушкой, которая захотела ехать со мной по собственному желанию.

– Я еду, – сказала принцесса. – Разреши мне только позвонить маме, чтобы прислали мои вещи и драгоценности.

– Звони, – разрешил колдун. – Но не опаздывай! Корабль отходит ровно в двенадцать.

И он ушёл завтракать в ресторан.

Принцесса тут же позвонила домой:

– Мамочка, это я. Как папа?

– Он очнулся, он совершенно здоров. Это была ошибка доктора, как всегда. Но вот где шляешься ТЫ? Мы с отцом умрём от позора! Полиция уже поднята на ноги. Оцеплены вокзалы и аэропорты. Возвращайся домой! – закричала мать-королева.

Но принцесса уже положила трубку.

Она действовала быстро и решительно, продала гостиничной уборщице своё кольцо с пальца, получила немножко денег, купила в ларьке расчёску, мыло, полотенце, зубные принадлежности и шампунь для волос, а также одну булочку с маком.

Больше денег у неё не осталось.

Через два часа в полной готовности она с пакетом в руке пришла на пристань.

Колдун, толстый и маленький, сидел на капитанском мостике в пышном парике, а рядом с ним стояли девушки, все как одна испуганные, бледные, со слезами на глазах.

Принцесса поднялась на мостик, подошла к колдуну и сделала полный королевский реверанс:

– Как поживаете, ваше высочество?

Колдун сначала даже подавился, а потом ответил:

– Ах да, если я на тебе женюсь, я же буду принц! – Он визгливо засмеялся. – Но пока ещё я не высочество. Мне чужого не надо. А вот ты будешь у меня спать под нарами в трюме, мыть полы и есть объедки. Ты к этому готова, ваше высочество? Отвечай: всегда готова.

Она ответила:

– Всегда готова! А куда мы плывём?

– Мы плывём в страну мрака, ко мне на родину. О ней вы никто не знаете, она только вам иногда снится. У тебя ведь бывают страшные сны? Ну так вот, там мы и живём.

– А, я помню, – сказала принцесса. – Там ещё небо было чёрное.

– Да-да, – захохотал колдун.

– А земля горячая, серая.

– Милая родина! – воскликнул колдун.

– И я ещё проснулась и спросила у родных, как мне спастись от страшных снов.

– Ну и как?

– Они погладили меня по голове и поцеловали. Они не знают.

– Никто не знает! – радостно взвизгнул колдун. – Никто у вас не знает, как прекратить страшный сон.

– Да его и невозможно прекратить, – согласилась принцесса. – Мне это все говорили.

– О, вы же земля идиотов, – мирно ответил колдун. – Я забыл. У нас каждый дурак умеет. Как приснится страшный сон – ну, про ваши вишнёвые сады, про пшеничные поля, про ручьи в лесу или про морские волны тут, у вас, на земле, – надо сразу спросить у первого попавшегося прохожего: «Ты кто?» И сон кончится.

Тут принцесса подошла к колдуну близко-близко и спросила его:

– Ты кто?

И она тут же проснулась в своей кровати.

Была ночь.

Принцесса как была, в ночной рубашке, помчалась в королевскую спальню и увидела папу с мамой – они оба храпели у телевизора.

– Папа-мама, пора ложиться спать! – гаркнула принцесса.

Мало того, она принялась танцевать вокруг папиного-маминого трона.

Отец с матерью вздрогнули, вытерли набежавшие слюни и поплелись в ванную чистить зубы в сопровождении сонной стражи.

А по дороге папа заметил:

– Доченька, ты чего радуешься? Скажи мне, я порадуюсь тоже.

– Пусть сначала исправит тройку по алгебре, а потом радуется, – пробормотала мама-королева. – У принца Генриха одни пятёрки.

В другой раз принцесса бы выложила всё, что она думает об этом прыщавом восьмиклассникe, но сейчас она только сказала:

– Спокойной вам ночи, папа и мама! Добрых снов.

И её старенькие папа и мама закивали в ответ:

– Добрых тебе снов, доченька.

Принцесса Белоножка, или Кто любит, носит на руках

Жила-была младшая принцесса, и все её любили. У неё были ручки как из лепестков роз, а ножки белые, словно лепестки лилии. С одной стороны, это было красиво, но, с другой стороны, уж очень младшая принцесса была нежная и чувствительная, чуть что – она плакала. За это её не ругали, но такого поведения в семье не одобряли. «Нельзя так распускаться, – говорили мама, папа, бабушка и дедушка-король. – Надо держать себя в руках. Ты уже большая».

Но от этих слов младшая принцесса обижалась ещё больше и опять принималась плакать.

Однако пришло время, и к младшей принцессе, как это и полагается, приехал принц.

Принц был высокий, красивый и ласковый. «Прекрасная пара!» – восклицали все вокруг.

Принц и принцесса много гуляли, даже танцевали, и принцесса – чего с ней никогда не случалось – плела на лужайке венки для принца и для себя, венки из васильков, которые были такие же синие, как глаза принца.

Принца и принцессу, как и полагается, обручили, то есть объявили женихом и невестой. На этом принц уехал в своё королевство.

А младшая принцесса осталась и принялась плакать. Все её осуждали за такое поведение, даже вызвали врача. Врач побеседовал с принцессой и неожиданно назначил ей не успокоительные капли, как полагается в таких случаях, а таблетки от боли, потому что оказалось, что младшая принцесса надорвалась на этих танцах и прогулках и стёрла свои нежные ручки и ножки до крови.

Время шло, приближалась свадьба, а невеста всё плакала и баюкала свои забинтованные руки и ноги, сидя в кровати. Она не могла ни ходить, ни держать в руках чашку с чаем, её кормила и поила старая нянька.

Однако врач бодро говорил, что всё до свадьбы заживёт, что просто младшая принцесса слишком нежная и чувствительная, плаксивая и несдержанная, а это, в свою очередь, является плодом неправильного воспитания в семье, а вот когда приедет принц – она вскочит и будет так же танцевать и шевелить руками, как и раньше. «Всё это психологическое», – говорил врач и кормил принцессу таблетками от боли.

Но старая нянька взяла фотографии младшей принцессы и отправилась к колдуну. Оттуда она привезла загадочную фразу: «Кто любит, носит на руках».

Фраза эта скоро стала известна всем, кто так любил принцессу с её младенческого возраста, когда она радостно улыбалась, показывая свои первые четыре зубика и две ямочки на щеках, а кудряшки у неё были как золотой шёлк, а глазки как незабудки.

Кто же не любил принцессу! Все её любили: и папа, и мама, и дед с бабкой, король с королевой. И они всё время вспоминали, какая она была чудесная малышка, какая приветливая, хорошенькая, с четырьмя зубиками. Когда пошли остальные зубы, картина немного попортилась, начался плач и капризы, и доехало до того, что теперь на вопрос: «Ну, мы уже перестали дуться на весь мир?» – принцесса вообще не отвечала, что было по меньшей мере невежливо, особенно если спрашивали король с королевой, да ещё по внутреннему телефону. По телефону надо отвечать!

Тем не менее, руководимые старухой-нянькой, к принцессе стали приходить и брать её на руки все по очереди. Что, конечно, было просто подвигом, особенно если учесть, что, например, бабушка-королева была дамой неопытной и ничего никогда не поднимала тяжелей бокала с вином. А мама-принцесса вообще не знала, с какого боку подойти к своей уже довольно тяжёлой дочери – хрупкая-то хрупкая, но всё-таки принцесса уже вышла из младенческого возраста, пятнадцать лет, шутка ли!

Но все, поднатужившись, приподнимали младшую принцессу, которая ничего не понимала сначала и даже капризничала, не хотела, чтобы её трогали, пока ей всё не объяснила ста-

руха-няня. Но и тогда младшая принцесса продолжала лить слёзы и совершенно не оценила рекорда папы-принца, который поднял её на двадцать два сантиметра от постели! «Сюда бы слетелись все газетчики мира, – заявил папа-принц, – если бы мы не держали в тайне, что у нас дочь плакса-вакса-гуталин, на носу горячий блин».

После чего старая няня носила младшую принцессу на руках по спальне целых десять минут, как в детстве, чтобы утихомирить её, но при этом няня вспоминала и о своих обидах: что повар на кухне оставил ей не куриную ножку, а какой-то волосатый куриный локоть и что внуки одни бегают в деревне без присмотра, а тут живёшь, выкладываешься, как потный индюк, безо всякой благодарности.

– Но ты меня ведь любишь? – спросила младшая принцесса, когда няня, набегавшись со своей ношей, положила свою принцессу обратно на кровать.

– А как же тебя мне не любить? – ворчливо отвечала няня. – Если бы я тебя не любила, я бы за такое жалованье давно бы здесь не жила!

Стало быть, все носили младшую принцессу на руках, но она так и не вылечилась.

Тогда стали говорить, что колдун оказался плохим пророком и что, может быть, няня неправильно пересказала фразу. «И что это такое? – возмущался доктор. – Кто любит, носит на руках! Не будем говорить об отдельных случаях, но меня, например, никто не носит на руках! Даже королеву не носят!»

И все были согласны с таким мнением и начали говорить, что эту фразу надо понимать в том смысле, что сама младшая принцесса никого не любит, и намёк был на это.

А принцесса сидела в своей спальне, и няня всё время подбивала её позвонить принцу, но принцесса не соглашалась, а только плакала, почему принц сам не звонит. Наконец принц позвонил, и трубку держала сердитая няня, а сердилась она потому, что разговор продолжался два часа и няня проворонила обед, и ещё она сердилась потому, что младшая принцесса в течение всего разговора умудрилась ни разу не заплакать и даже много смеялась.

– Значит, ты придуряешься, – сказала, положив трубку через два часа, няня, – ты можешь же не плакать!

И няня отправилась пить чай и сообщила всему дворцу, что у младшей принцессы не всё так плохо, что она уже смеётся. Все поздравляли доктора, ему немедленно увеличили жалованье, и у младшей принцессы без передышки звонил телефон, няня брала трубку и подносила её к уху своей капризницы, но та в ответ на все вопросы типа: «Ну что, мы уже улыбаемся?» – только лила слёзы, не отвечая ни «спасибо», ни «начхать», как выразилась потом няня на кухне.

Разумеется, когда была назначена свадьба и приехал жених, все бинты были сняты, ни слова не было сказано ни принцу, ни младшей принцессе, и на вечер, как и полагается, был назначен бал.

Только для принцессы приготовили особо плотные перчатки и сапожки. И когда принцессу одели, она, разумеется, тут же перестала плакать и позволила себя причесать и вплести в косу белые розы.

– Ну, что я говорила? – вопрошала няня по всем коридорам дворца, и повар отвалил ей большой кусок торта на радостях.

Все улыбались, и только врач срочно уволился с работы и уехал со своими новыми семьюдесятью чемоданами.

– Уехал и уехал, – говорила няня после трёх досрочных рюмочек, – теперь он нам ни на что не нужен, тьфу! Это был врач? Любой санитар даст таблетку после еды три раза в день, и я не хуже могла бы за такие деньги.

Принц тем не менее пригласил принцессу на прогулку. Все понимали, что после гулянья младшей принцессе уже не удастся выстоять целую свадебную церемонию, и поэтому принцу сообщили, что принцесса предпочитает конную экскурсию. Принц понял это буквально и при-

слал младшей принцессе свою арабскую кобылку, удалось только сменить поводья на шёлковые. Выйдя во двор, принцесса попросила принца взять её на руки и посадить в седло.

– Для этого есть слуги, – улыбаясь, сказал принц.

– Я прошу только вас, – сказала младшая принцесса.

– Что за капризы? – спросил, улыбаясь, принц и позвал слуг, которые вознесли младшую принцессу в седло, как пушинку, и дали ей в ручку шёлковые поводья.

И они поехали.

Принц был мужественный спортивный юноша, презиравший всякие слюни, вздохи и сантименты. Кроме того, он уже отдалённо был наслышан, что младшая принцесса слишком избалована и вообще неженка, и он решил начать её воспитывать с нуля, ещё до свадьбы.

Младшая принцесса по дороге в лес рассказала ему как самому близкому другу всю свою историю болезни вплоть до слов колдуна. Что это не капризы, а просто способ лечения – взять на руки.

Принц не поверил ни единому слову.

– Всё это бабские глупости! – сказал он.

Тогда принцесса остановила кобылку и с большим трудом стянула со своей маленькой ручки перчатку. Принц увидел, отшатнулся и громко спросил:

– А почему? Почему меня не предупредили, что ты больная? У тебя, возможно, и дети будут больные! Больные наследники – это невозможно! Судьба государства, судьба королевства, нации, наконец!

И он, испуганный и взволнованный, так дёрнул поводья, что его конь взвился, сбросил с себя принца, а сам ускакал.

Принц лежал на лесной дороге без сознания, белый как мел, и изо рта его вытекала струйка крови.

Младшая принцесса слезла с лошади, уговорами и лаской заставила её прилечь на дорогу, а затем как могла приподняла принца и взвалила его на спину умной кобылки. После этого лошадь встала, неся на спине безжизненного принца, а принцесса взяла в руки поводья и повела лошадь обратно в замок.

У ворот замка часовые унесли принца и унесли младшую принцессу, а служанки сбегали подмели лесную дорогу, на которой принцесса оставила кровавые следы своих сапожек.

Принц вскоре выздоровел и собрался уже в обратную дорогу вон из замка, где его обманули, подсунув негодную невесту.

Выводя своего буйного коня из конюшни, он встретил знакомого священника, который шёл к воротам с чемоданчиком в руке. Священник поздравил принца с выздоровлением и сказал:

– А вы не остаётесь на похороны?

– Кто-то умер? – спросил принц.

– Наша младшая принцесса, – отвечал священник. – Я уже причастил её, там остаются какие-то минуты.

– Она была совершенно больная, – со вздохом произнёс принц, – даже врач от них, как говорят, отказался. Уехал.

– Вы тоже тяжело болели сейчас, – сказал священник. – Если бы она вас не подняла на руки и не взвалила бы на лошадь, сегодня отпевали бы вас.

– Да, каково мне было узнать, что я могу остаться калекой! Принцесса, конечно, спасла мне жизнь. Но она меня обманывала. Когда мы говорили с ней по телефону, она должна была плакать от боли, а она смеялась! Как вспомню эти её руки, так вздрогну.

– Да, возможно, она бы уже давно умерла, если бы не любила вас. Только из-за вас она оставалась на свете.

– Да, надо бы проститься, – смущённо пробормотал принц, отвёл коня в конюшню и поднялся в покои младшей принцессы.

Он вошёл в спальню своей бывшей невесты, увидел её, и сердце его дрогнуло от жалости. Принцесса лежала совсем маленькая, как спящий ребёнок, и рядом с ней сидела багровая от слёз нянька.

Принц сделал вид, что ничего не знает, решительно подошёл к ложу принцессы и сказал:

– Привет! Вот я и выздоровел! А ты что валяешься, притворяешься? А ну вставай, тебя тут держат как больную… А надо на солнце, на воздух, нужен спорт, движение!

Он отодвинул вскочившую злую няньку, схватил принцессу на руки, она оказалась лёгкая и тоненькая, и он понёс её как можно быстрее к окну, а сзади бежала и дёргала его за куртку нянька:

– Она умерла, ты что, глухой?

Держа принцессу на одной руке, принц отодвинул тяжёлую портьеру, быстро открыл окно и тут увидел, что младшая принцесса смотрит на него, широко открыв глаза.

– Что ты её трясёшь, ей уже глаза закрыли, – шипела нянька, добираясь до принцессы, но принц загородил спиной свою ношу и быстро поцеловал принцессу в губы – он где-то читал, что так можно оживлять принцесс.

– Поздно, поздно, – причитала нянька, – раньше надо было, дурак, упустил своё счастье, девочка была ласковая, послушная.

А принцесса внимательно смотрела на принца, широко открыв глаза, а потом моргнула и засмеялась. А нянька за спиной принца ахнула и зашептала:

– Кто любит, носит на руках, кто любит, носит на руках.

Разумеется, вечером сыграли свадьбу, на балу принцесса танцевала, а за столом ела сама, как полагается, ножом и вилкой, и безо всяких перчаток.

А колдуну послали огромный торт, бочку вина и цветную фотографию принцессы, как она надевает принцу на палец обручальное кольцо.

Маленькое зеркало

В витрине магазина было много зеркал: одно огромное, в резной дубовой раме невиданной красоты, затем десять средних овальных, каждое из которых могло служить прекрасным портретом для прохожих (вообще-то какова морда, таково и изображение; могли бы возникнуть трагедии, думали зеркала, – однако все без исключения граждане приостанавливались и любовались собой, никто не отворачивался и не плевался при виде собственного отражения).

И наконец, в витрине помещались 19 штук зеркал разнокалиберных, в том числе и самое маленькое, квадратное, которое пристроилось в глубине, – и, собственно говоря, его никто из проходящих не видел. Зачем его туда поставили, вообще было непонятно. То есть под вопросом оказывался сам смысл существования такого предмета в витрине!

Ведь оно было простое, темноватое, и даже слухи ходили, что изнанка у него оловянная!

Остальные-то зеркала просто красовались перед прохожими – плоские и слегка вогнутые по краям, выпуклые и впалые, горбатые и венецианские, с узорчатой стеклянной рамой.

Самое главное вообще называлось «Псише»!

И они не продавались.

Трудно сказать, то ли хозяин магазина особенно любил эти отражающие поверхности, то ли попросту хотел привлечь внимание к магазину в целях рекламы, но они стояли на витрине только для вида.

А может быть, дело было в другом.

Поговаривали, что старый владелец – просто обедневший брат короля, и, перед тем как покинуть родовой замок, он собрал всё, что в нём было, и открыл свою лавочку здесь, в городе, – мало ли, а вдруг кто-нибудь соберётся что-нибудь купить!

А зеркала он вывесил снаружи, чтобы в них не смотреться. Может быть, ему не хотелось себя видеть.

Во всяком случае, все наличные зеркала располагались именно снаружи.

На вопрос, почему они там стоят, хозяин отвечал строго и преувеличенно любезно:

– Оформление витрины.

Как будто хранил некоторую тайну.

Единственная сотрудница хозяина, дальняя тётка, солидная дама по прозвищу Кувшиня, раз в неделю посещала сообщество зеркал. У тётушки Кувшини имелись в хозяйстве щётки, тряпки и бутылочка со специальной жидкостью (как шептались в магазине, это был эликсир для протирки бриллиантов!).

Итак, прохожие тормозили на бегу и засматривались в зеркала. Главное показывало зрителя целиком, средние – по частям, то есть бюст до макушки или центральную часть туловища, а маленькие – вообще вразнобой, кто что ухватит – пуговицу, карман, большой палец. Ухо кошки. Растопыренную воронью лапу, промелькнувшую перед приземлением. Дребедень, короче.

В целом это было похоже на картину художника-авангардиста. Пикассо бы позавидовал такому кристально чистому, подробному, лучезарному и раздробленному на грани изображению. Бриллиант, а не витрина!

Всякое зеркало в ней имело своё точное место – от самого ничтожного, того самого маленького и квадратного, которое пристроилось в глубине неизвестно зачем, до центрального, завитого, как парик, в амурах и венках, стоящего слева по центру.

Хозяин строго следил насчёт еженедельных протирок, а по поводу самого маленького предупреждал об осторожности, чтобы с места не сдвигать!

Но в витрине царили свои порядки, свои мерки и законы.

Всё равно что в семье.

Дело в том, что когда нас оценивают наши близкие и родные, одноклассники и соседи, то вблизи никто никогда и не заподозрит, что имеет дело с выдающейся личностью! А то такую личность и локтем толкнут.

Только иногда и издалека доносится весточка о том, что, оказывается, ваш дальний троюродный дед известен всему миру как автор книги о супах или создатель теории брюк! А в семье его презирали, держали на старом диванчике и попрекали за дневной храп.

Так и в нашем случае: тусклое маленькое зеркало почему-то очень заботило хозяина, а сотоварищи по витрине дружно считали этот стеклянный квадратик ничтожеством, мелким и упрямым.

Почему бы тебе немного не подвинуться, тогда Второе Слева трюмо разместится не под углом, а прямо!

Но Маленькое упорно стояло на своём месте.

Ну и стой. Не обращайте на него внимания.

В витрине господствовало, кстати, такое мнение: ничего не принимать близко к сердцу, всё провожать лишь беглым взором, проводил – встречай следующее, но ни на чём не останавливайся! Это вредно для отражающей поверхности. Слишком много информации.

И то сказать – мелькали велосипеды, собаки, машины, дальние облака, дождевые потоки, вихри снега, воцарялись туманы. Мимо шмыгали школьники, неторопливо проходили люди в форме, долго громыхали мимо уборочные комбайны. Ползли, обращая на витрину робкое внимание, старушки. Тормозила молодёжь, взбивая или затягивая то, что у них было в данный момент на голове. Дамы задерживались, вертелись, якобы интересуясь выставленными антикварными объектами.

Происходили ночи, каждая в своём блеске фонарей, рекламных огней и еле заметных звёзд, наступали прекрасные рассветы, особенно глубоким летом, и это были настоящие спектакли – от чёрного бархата к синеве, к лиловой мгле и затем к сияющим розам.

Что говорить, мир, отражаемый зеркалами, был прекрасен!

Но эти пустые стёкла – они ничего не запоминали, ещё новости.

Маленькое зеркало в углу тоже получало свою долю света и тьмы, в нём мелькали клочки, блёстки и детали нижней части жизни – сверкающий обод велосипедного колеса, качающееся надутое днище сумки, порхнувшая из рук газета, быстрые каблучки, тяжело прыгающий резиновый колпачок костыля.

И то хорошо.

Мало, видимо, ему было надо.

Тем не менее какая-то тайна заключалась в том, что хозяин берёг это ничтожество и каждый раз предостерегал Кувшиню, чтобы она аккуратно обращалась именно с данным объектом. Чтобы ни в коем случае ничего не стряслось с тем в углу, с тем маленьким!

И он даже несколько раз лично протирал его, как глазик ребёнка, поджавши губы от усердия и заботливо скрючив руку. А Кувшиня покачивала головой: не беритесь за эту работу, ой не надо. Не для принцев это занятие.

Ясное дело, что толстая Кувшиня не очень любила данный мелкий предмет. Пшикнет жидкостью из флакончика, а протрёт кое-как – и зеркальце иногда слепло на неделю, особенно если хозяин уезжал по делам.

Но он возвращался и первым делом останавливался перед витриной, проверял, как протёрто и блестит ли содержимое его витрины – особенно то зеркальце заднего вида. И Кувшиня получала выговор и лезла протирать заново новоявленное сокровище, при этом она шептала что-то, пыхтя. Ей, понятное дело, было тяжело – аристократке и просвещённому человеку да заниматься уборкой! (Прежним королям она вроде бы приходилась десятиюродной кузиной.)

Конечно, среди обитателей витрины ходили всякие предположения.

Народ поговаривал, что Маленькое з. – это явно осколок какого-то большого и очень ценного зеркала. Может быть, царского… И что хозяин явно хочет его продать за большие денежки. То есть мало ли что в нём отражалось. Царицы, царевны! Убийства, мало ли.

Иначе что беречь такую мелочь!

Спрашивали Маленькое з. Оно не возражало, но и не говорило ничего конкретного. Напускало туману. Гордое слишком!

А то у кого-то рождалось мнение, что у него есть какие-то свойства. Что оно якобы древнее и, грубо говоря, волшебное. Магическое…

И не раз всё население витрины приступало к нему с вопросом: да или нет. Однажды получился ответ «Да».

– Да?!

А в чём заключается, осторожно стали спрашивать дальше. В чём?

Ответа всё не было.

Малого гордеца называли Гением, в шутливой форме, конечно.

– Эй ты, Гений! Опять ни шута не видишь? Не помыли тебя?

– Ах оставьте его, он Гений! Как он отразил резиновый сапог!

– Он у нас по подробностям. О, о, прославь собачий хвост! Смотри, пакет с мусором понесли! Это твоя тема!

И так далее.

Но однажды из угла витрины донеслось что-то.

– Алё, мы не слышим! Повтори, Гений!

Он проговорил что-то типа «Я могу остановить».

– Можешь остановить что? – последовал законный вопрос.

– То, что надвигается, – прошелестело из угла.

– Ну и что?

– И тогда я погибну, – тихо сказал этот Гений.

Гибели боялись они все, и каждый знал, что зеркала умирают. Пятнышко, второе, тёмная полоска – и дело пропало.

Все они при этом предчувствовали чужую кончину (и ревниво следили за приметами), однако совершенно не верили в свою.

Поэтому они развеселились и дружно сказали то, что обычно говорят в ответ на такие заявления:

– Ты ещё всех нас переживёшь!

– Маленькое живучее большого, – вздохнуло Среднее зеркало, которое претендовало на первенство, потому что было без единого изъяна, и считало, что рама ещё не значит ничего.

– Да ну! Гений, не бойся, тебе сделают новую амальгаму! И вперёд по кочкам! – сказало одно Среднее з. с пятнышком, которое верило в оживление с помощью операции.

Большое з. трагически молчало. У него имелась уже тёмная полоска. Но оно надеялось на свою прекрасную раму и на то, что мы достойны реставрации в первую очередь.

– Да нам всем тут без исключения должны сделать новую амальгаму! – сказало оно наконец.

– Да, и тогда нас наконец купят! – вырвалось у Среднего з. с пятнышком.

(Витрина подозревала, что никто и никогда не интересовался ценой на зеркала, потому что они все были старые. Старое никому не нужно! Сейчас мода на новое!)

– Да некоторым и новое покрытие не поможет, – проскрежетало одно кривоватое зеркало по прозвищу Дядя Свист.

Все довольно посмеялись, имея в виду самого Дядю Свиста, и замолчали, отражая мокрую ночную мостовую, сверкающие лужи, мелкие снежинки и тёмные дома.

Зеркала, разумеется, чувствовали, что если бы не хозяин, то никто бы и не поглядел в их сторону. Это только он обожал старые вещи, свою коллекцию древностей. И он ценил именно знаки времени, муть, пятна, царапины.

Ещё бы, это ведь были следы жизни его предков-королей!

Но он один был таковский, подслеповатый чудак.

И у него не было денег на реставрацию. Видимо, поэтому он не раз говорил, что в старой вещи всё должно быть подлинно.

Ведь некоторые покупатели отдавали вещи в реставрацию – купленные тёмные картины, фарфоровых кукол с сомнительно поцарапанным цветом лица и со слегка побитыми носами, потёртую мебель.

Такая была мода – улучшать. Чтобы было старое, но новое. А хозяева города вообще не церемонились с древними домами и сносили всё подряд.

Всё выходило из рук ремонтников в возмутительно новеньком виде, якобы старые здания с пластиковыми скульптурами, блестящие, светлые, как облитые клеем картины, куклы с абсолютно розовыми лицами в цветущем состоянии, чисто как витринные манекены.

Это была трагедия, которую могло исправить только время в виде трёхсот последующих лет. Или немедленное землетрясение (или приезд на дачу на летние каникулы пятерых внуков с друзьями).

Но мы ещё не сказали о главной любви зеркал.

Рыжая Крошка была внучкой хозяина. Её ещё звали Маленькая Принцесса. Родители её, врачи, трудились в дебрях Африки, а девочка жила с дедом. Она бегала в школу, трудолюбиво ходила в музыкалку со скрипочкой и огромной папкой – и каждый раз мимо витрины. Зеркала любовно повторяли её золотой шлем, машущие веера розовых пальчиков, блеск синих глаз.

– У нас, когда я жил у старых хозяев, у королей, был огромный сад, – говаривал Дядя Свист, любовно провожая всей своей поверхностью вихрь по имени Рыжая Крошка, – и этот сад было видно в окно. Там зрела малина.

– Ну и что ты этим хочешь сказать? Где логика? – вопрошало придирчивое Кривоватое зеркало.

– У неё рот как ягода, вы обратили внимание? Как три ягоды малины.

– Ну ты поэт, Свист! – хихикало Кривоватое з. – Влюбился?

– У меня нет души, – серьёзно отвечал Дядя Свист. – А то бы да.

Вообще все зеркала любили Рыжую Крошку, но страсти достигли накала в особенности в тот момент, когда она выпросила у деда одно старое венецианское зеркало и его долго снимали с крюка, переполошили всю витрину, оно плакало от счастья, запотело. Его провожали общими криками зависти, которые звучали как «Ну, старик, поздравляю!» и «Мы тебя ждём всегда, имей в виду!». Последнее напутствие было такое: «Когда разобьёшься, всё равно возвращайся – склеим!»

Венецианца унесли наверх, в прекрасную домашнюю жизнь, отражать принцессу, Рыжую Крошку, все закаты и рассветы её шестнадцати лет.

А у зеркал появилась робкая мечта когда-нибудь тоже пригодиться девочке. Они иногда видели сны о втором этаже, о маленькой спальне с фортепиано.

– Ну и вот, и снится мне второй этаж, – как обычно, начинал Дядя Свист, а его перебивали.

– Где его там повесили, ты не рассмотрел?

Они спрашивали его якобы заботливо, а на самом деле завистливо:

– В прихожей? Там же темно!

Рыжая Крошка была всю свою жизнь, от колясочного периода, когда они видели разве что её крутой лобик и золотую кудрявую макушку, и то эту честь имели только маленькие зеркала понизу, – итак, она всегда была любимейшим объектом изображения тридцати стеклянных

живописцев и их общим сокровищем, даже тогда, когда она начала взрослеть и предпочла им всем мутноватого венецианского аристократа.

Итак, однажды вечером толпа зеркал молчала, провожая позднее такси.

Шестьдесят стоп-сигналов были трудолюбиво отражены и исчезли.

Вдруг витрина вздрогнула.

Ничего не отразилось в ней, только какой-то сгусток непрозрачной тьмы смазал сверкающие поверхности, убрал в этом месте ночной блеск, мокрую мостовую, свет фонарей.

Одно мгновение – и всё вернулось.

Что это было?

Большое зеркало по прозвищу Псише, ощущая боль в старом затемнении и зуд на том месте, где возникало ещё одно, новое, сказало:

– Никто ничего не заметил.

– Я, – ответил из угла Гений, хотя его никто не спрашивал.

– Ему видно всё, – откликнулся Дядя Свист. – Но частями.

– Ты тоже ничего не видел, – повторило Псише. – Понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.